

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-396-407

EDN: UELUGS

Научная статья / Research article

Адвербиальное словообразование в русском и татарском языках: этнолингвистический аспект

В.Г. Фатхутдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

г. Казань, Российская Федерация

✉ favenera@mail.ru

Аннотация. В исследовании рассматриваются производные наречия русского и татарского языков, а именно специфика их структуры, семантики и способов выражения коммуникативно-прагматических смыслов. Цель работы — выявить и описать этнокультурный компонент в деривационно-семантическом пространстве адвербиальных слов типологически дистантных языков. Новаторство работы состоит в том, что в ней впервые предпринята попытка описать адвербиальные дериваты в этнолингвистическом аспекте, позволяющем интерпретировать морфосемантическую структуру слова как лингвокультурологический феномен, а именно охарактеризовать универсальные и дифференциальные признаки, формирующие языковую картину мира каждого этноса. В исследовании констатируется, что словообразовательная структура производных наречий может демонстрировать смысловую организацию слова и соответствующего понятия, а именно указывает, благодаря каким свойствам и признакам в сознании говорящего детерминируется какое-либо действие или состояние. Сопоставительный анализ адвербиальной деривации в русском и татарском языках позволил не только установить сходства и различия в использовании мотивировочных признаков в рамках одного и того же денотативного пространства, но и выявить наиболее значимые, предпочтительные для данного языкового коллектива ментально-культурные смыслы. Особое внимание в работе уделяется фактам межъязыковой словообразовательной лакунарности и специфике внутренней формы производных наречий, что дает возможность вскрыть когнитивные механизмы в языковом моделировании окружающей действительности.

Ключевые слова: этнолингвистика, наречие, словообразование, семантика, межъязыковая лакунарность, внутренняя форма слова

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

Для цитирования: Фатхутдинова В.Г. Адвербиальное словообразование в русском и татарском языках: этнолингвистический аспект // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 396–407. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-396-407>

© Фатхутдинова В.Г., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Adverbial Word Formation in Russian and Tatar Languages: Ethnolinguistic Aspect

Venera G. Fatkhutdinova

Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

✉ favenera@mail.ru

Abstract. The article examines the derived adverbs of the Russian and Tatar languages, namely the specifics of their structure, semantics and ways of expressing communicative and pragmatic meanings. The purpose of the work is to identify and describe the ethnocultural component in the derivational-semantic space of adverbial words of typologically distant languages. The innovation of the work consists in the fact that for the first time an attempt was made to describe adverbial derivatives in an ethnolinguistic aspect, which allows interpreting the morphosemantic structure of a word as a linguistic and cultural phenomenon, namely, to characterize universal and differential features that form the linguistic picture of the world of each ethnic group. The study states that the word-formation structure of derived adverbs can demonstrate the semantic organization of the word and the corresponding concept, namely, it indicates due to which properties and signs any action or state is determined in the speaker's mind. A comparative analysis of adverbial derivation in the Russian and Tatar languages allowed us to establish not only similarities and differences in the use of motivational features within the same denotative space, but also to identify the most significant, preferred mental and cultural meanings for this linguistic collective. Special attention is paid to the facts of interlanguage word-formation lacunarity and the specifics of the internal form of derived adverbs, which makes it possible to reveal cognitive mechanisms in the linguistic modeling of the surrounding reality.

Key words: ethnolinguistics, adverb, word formation, semantics, interlanguage lacunarity, internal word form

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the Republic of Tatarstan state program implementation “Preservation of the national identity of the Tatar people.”

For citation: Fatkhutdinova, V.G. 2024. “Adverbial Word Formation in Russian and Tatar languages: Ethnolinguistic Aspect.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 396–407. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-396-407>

Введение

В системе частей речи естественного языка наречия занимают особое место и призваны выполнять две важные категориальные функции: 1) выражать признак действия, что «соответствует симметричности содержательных отношений между ядерными частями речи: существительным и прилагательным (грамматический предмет и его признак), глаголом и наречием (процесс и его признак)» [1. С. 172]: *бежать быстро, петь громко*; 2) обозначать признак другого признака: *идти слишком медленно, очень тихая речь*.

Адвербиальную лексику в разных языках, как правило, составляют номинативные единицы, лишённые форм словоизменения, а следовательно, и традиционных грамматических значений (если не считать образование форм сравнительной степени морфологической категорией). При этом, обладая указанной морфологической общностью, наречия объединяют группы слов с весьма различными семантическими, деривационными и синтаксическими свойствами.

Актуальность нашего исследования обусловлена неослабевающим интересом современной лингвистики к межъязыковому анализу разных подсистем языка с точки зрения их характерологических признаков и этнокультурной маркированности. Несмотря на достаточно полное описание структуры и семантики адвербиальных слов как в русском, так и в татарском языках (В.В. Лопатин, И.С. Улукханов, М.В. Филипенко, О.Н. Калякина, Ю.Н. Гребенева, В.В. Бурцева; А.Г. Акберова, Ф.А. Ганиев, З.К. Ишкильдина, В.И. Якупова и др.), в настоящее время отсутствуют специальные исследования, ориентированные на выявление у данного класса слов универсальных и специфических свойств в аспекте этнолингвистики и лингвокультурологии. В этой связи объектом нашего исследования стали русские и татарские наречия как результат словообразовательной номинации признаков действия, а предметом — специфика их структуры, семантики и способов выражения культурно-прагматических смыслов. Цель работы — выявить и описать этнокультурный компонент в деривационно-семантическом пространстве адвербиальных слов типологически дистантных языков, каковыми являются русский и татарский. Новаторство работы состоит в том, что в ней впервые предпринята попытка описать адвербиальные дериваты русского и татарского языков в этнолингвистическом аспекте, а именно установить их универсальные и дифференциальные признаки, формирующие языковую картину мира каждого этноса. Этнолингвистический подход в нашем исследовании трактуется широко: от «моделей и функций применения языка в различных ситуационных контекстах, свойственных разным культурам» [6. С. 178], до изучения «внутрисистемных индикаторов этнокультурного своеобразия» и «проявления культурной идиоматичности в больших смысловых пространствах» [7. С. 4–5].

Результаты исследования имеют и прикладной характер: они могут быть использованы в практике «этноориентированного» обучения русскому и татарскому языкам, поскольку «обучающийся как представитель конкретного этноса и носитель определенной культуры обладает специфическим этническим сознанием и менталитетом» [8. С. 36].

Методы и материалы. В процессе языкового анализа использовались сопоставительно-типологический, контрастивный и когнитивно-дискурсивный методы. Материалом для исследования послужили «Морфемный словарь наречий русского языка» Ю.Н. Гребеневой [2], «Словарь наречий и служебных

слов русского языка» В.В. Бурцевой [3], «Русско-татарский словарь» под ред. Ф.А. Ганиева [4], «Татарско-русский словарь» [5], а также толковые словари русского и татарского языков.

Результаты и обсуждение

Сопоставительное исследование процессов деривации в разносистемных языках продолжает оставаться одной из актуальных проблем современного языкознания, что обусловлено «интересом к изучению национальной специфики семантики и языкового мышления» [9. С. 6]. В процессе сравнения производных слов неродственных языков выявляются сходства и различия в способах словообразования отдельных частей речи, в типах деривационной семантики, в парадигматических и синтагматических отношениях дериватов в рамках более крупных (комплексных) единиц словообразования.

Русские наречия чаще всего образуются при помощи следующих способов словообразования: префиксального (*всегда* — *на-всегда*), суффиксального (*шаг* — *шаг-ом*), префиксально-суффиксального (*бок* — *с-бок-у*), сложения (*полу-сидя*), сложно-суффиксального (*мимо-ход-ом*), префиксально-сложно-суффиксального (*в-три-дорог-а*). В рамках синтаксической (реже — лексической) деривации русские наречия мотивируются разными частями речи: существительными (*лето* — *лет-ом*), числительными (*два* — *два-жды*), прилагательными (*милый* — *мил-о*), глаголами (*уметь* — *умеј-учи*) и наречиями (*много* — *мног-овато*), см. подробнее [10. С. 756–776].

Татарские наречия также образуются от субстантивных, адъективных, глагольных, адвербиальных основ и от основ имен числительных. Здесь можно выделить четыре основных способа образования адвербиальных слов: суффиксальный: *көз* (осень) — *көзге-чә* (по-осеннему); *ике* (два) — *ике-ләтә* (вдвойне); словосложение: *йөзгә* — *меңгә* (очень редко), *көн* — *төн* (днём и ночью); словосложение как результат лексикализации словосочетаний: *баштүбән* (головой вниз), *шарт* итеп (с треском, громко); конверсия (адвербиализация): *якты* (светлый) и *якты* (светло); *акыртып* (заставив кричать) — *акыртып* (насильно); *өчәү* (трое) — *өчәү* (втроем), см. [11. С. 481–506; 12. С. 74–86; 13. С. 10–16].

Для обоих языков наиболее продуктивным способом образования наречий является суффиксация на базе субстантивных и адъективных основ. В татарском языке, как и в других тюркских языках, например, башкирском [14], отсутствуют префиксальный и префиксально-суффиксальный способы словообразования. Эти различия, безусловно, обусловлены принадлежностью сравниваемых языков к разным морфологическим типам: русского — к флективно-синтетическому, татарского — к агглютинативно-аналитическому. Однако структурно-семантический анализ производных слов в языках различного морфологического строя в настоящее время становится явно недостаточным.

Как известно, в современной лингвистике чисто классификационный подход постепенно уступает место направлению, рассматривающему лингвистическую «объяснительную» типологию как средство познания универсальных свойств естественного языка и пределов его варьирования в отдельном лингвокультурном сообществе: «системная лингвистика давно показала, что межъязыковые различия не сводятся к различиям только внешней формы, но во многом определяются различиями внутренней формы, конкретные параметры таких различий требуют более детального теоретического анализа» [15. С. 234].

Следует отметить, что динамика в изменении приоритетов современной лингвистики (от последовательного системоцентризма к многоаспектному антропоцентризму) коснулась и теории деривации, когда на первый план для исследователя выступают когнитивные, прагматические и коммуникативные характеристики производных слов. Можно предположить, что словообразовательные типы наречий в русском и татарском языках формируют культурологически и коммуникативно значимые блоки смыслов и являются необходимыми элементами языковой картины мира, демонстрируя стереотипы номинации и специфику языкового мышления.

По мнению ученых, процесс трансляции элементов понятийно-ментальной картины мира одного этноса в ценностную систему другого осуществляется посредством перекодирования языковых структур, и прежде всего семантической, грамматической и словообразовательной структуры слова. В первую очередь об этом свидетельствует явление межъязыковой лакуарности.

В самом общем виде понятие лакуны сформулировано в лингвистике следующим образом: «лакуна — это отсутствие единицы в одном языке при наличии ее в другом» [16. С. 206]. Однако существующие определения лакунарных языковых единиц свидетельствуют о неоднозначности и определенной диффузности этого термина (ср. также дискуссионность понятия «безэквивалентная лексика»).

В настоящее время этнопсихолингвистика, теория перевода и межкультурной коммуникации трактуют явление лакуарности как «феномен значимого отсутствия номинативных единиц», «слова, не имеющие аналогов в сопоставляемых языках» (Г.В. Быкова), «неотъемлемое и панхроническое свойство языковой системы», «потенциально возможные (латентные) элементы в системе языка и речи» (М.В. Карапетян), «инвариант некоторого вербального и невербального поведения, присущего той или иной локальной культуре» (Л.В. Кульчицкая), «сигналы специфических процессов и состояний, противоречащих узуальному опыту носителей некоторой лингвокультурной общности» (И.В. Томашева), «этнолингвистический феномен», «специфические реалии, процессы и состояния, внешние по отношению к узуальному опыту носителя того или иного языка (В.А. Нуриев) [17. С. 20–61, 93–156].

Современная классификация лакун включает в себя следующие их разновидности: абстрактные и предметные, видовые и родовые, внутриязыковые

и межъязыковые, немотивированные и мотивированные, стилистические, номинативные и частеречные лакуны [16. С. 208–209]. Расширение лингвистического знания о лакунарной и безэквивалентной лексике позволяет выделить также лексические, грамматические и словообразовательные лакуны.

Рассмотрим межъязыковые словообразовательные лакуны в области производных наречий русского и татарского языков, компенсация (элиминация) которых осуществляется при помощи следующих способов: заимствование, описательные конструкции (перифрастические обороты, развернутые объяснительные дефиниции), перечислительный (синонимический) ряд соответствий.

Так, лакунарными в татарском языке будут устаревшие производные слова, характеризующие языковую и культурно-историческую картину мира русского этноса. Префиксально-сложное наречие *одвуконь* образовано на базе количественно-именного сочетания *два коня* и означает ‘ехать верхом, держа на поводу второго коня’. Данная лексическая единица обладает прозрачной внутренней формой и этнокультурной маркированностью, однако ее интерпретация вне контекста (в силу отсутствия в толковых словарях) для носителя русского языка представляется затруднительной: *По дороге и лугам тянулись конные башкирцы, иногда на одной лошаденке по два, по три, иные ехали одвуконь, ведя запасного на поводу* (Шишков В. Емельян Пугачев); *Если б хотели ехать одвуконь, так взяли бы четырех — у каждого был бы один конь под верх, другой в запасе* (Алексеев Н. Брат на брата). В татарском языке специальная лексическая единица (наречие образа действия) для обозначения данной ситуации отсутствует, хотя само понятие, без сомнения, существует.

Лакунарными по отношению к татарскому языку часто являются адвербиальные фразеосочетания разной степени устойчивости и близости к универбу (однословной номинации) типа *с горем пополам, от нечего делать, худо-бедно* и др.

Например, наречие *сиднем* в составе фразеологизма *сиднем сидеть* ‘сидеть, не вставая долгое время; находиться где-нибудь безотлучно, никуда не выезжая’ образовано от устаревшего агентива *сидень*: *Когда Ивану сему минуло пять лет, а ходить он не мог, потому что был сидень, то отец его и мать много стали о том кручиниться и просили Бога, чтоб дал сыну их здоровые ноги; однако сколько ни молились, а сын их не мог ходить и сидел сиднем ровно тридцать лет и три года* (Сказка о тридесяти трех летнем сидне Иване-крестьянском сыне..., 1788). Данное адвербиальное сочетание передается на татарский язык развернутыми перифрастическими оборотами: *утырган тавыктай кузгалмый утыру* (букв. сидеть неподвижно, как курица на насесте); *беркая чыкмыйча гел өйдә утыру* (букв. сидеть дома, никуда не выходя); ср. также другое устойчивое сочетание с лингвокультурной коннотацией: *чин чином* ‘так, как следует’ — *тәртипкә туры килеп* (букв. в соответствии с порядком).

Лакунарными для татарского языка являются сложные наречия с разговорной (сниженной) функционально-стилистической окраской. Например, наречие с затемненной внутренней формой *с бухты-барахты* ‘вдруг, без видимой причины, без всяких оснований, необдуманно, ни с того ни сего сделать что-либо’: *Один, самый главный, бог с бухты-барахты решил, другим пришлось соглашаться* (Распутин В. Живи и помни). В татарском языке ему соответствует перечислительный ряд слов *кәтмәгәндә* (неожиданно), *кин-нәттән* (вдруг, внезапно), *шул ук вакытта, хәзер ук* (в тот же момент, сейчас же), передающий эту семантику в самом общем виде. Однако ни одно из татарских соответствий не содержит эмоционально-экспрессивной коннотации русского слова и оценочных лингвокультурных смыслов, которые возникают в результате опосредованной отсылки к звукоподражательным глаголам *бухнуть* и *барахнуться*, означающим внезапность и неожиданность действия.

Наречие *вкривь и вкось* ‘в разных направлениях, в беспорядке, как попало’ образовано на базе прилагательных *кривой* (в тат. *кәкре*) и *косой* (*кыек*). Однако в татарском языке данному наречию будет соответствовать номинативная единица с другой внутренней формой: *аркылы-торкылы* (букв. попере́к, крест-накрест): *вкривь и вкось сшитая рубашка — аркылы-торкылы тегелгән күлмәк*.

Рассмотрим аналогичное производное наречие, эмоционально-экспрессивная окраска которого усиливает оценочный и прагматический потенциал номинации: *сикось-накось* — ‘косо, вкривь и вкось, кое-как, небрежно, не так, как нужно’: *Перегородка из обломков фанеры и досок, сколоченных сикось-накось, делила вагончик пополам* (Иванов А. Географ глобус пропил). Специфика ассоциативного мышления позволяет употреблять его и в метафорическом значении: *Как помер отец родной, всё сикось-накось пошло* (Корнилов В. Демобилизация). Данная лексическая единица, образованная в результате словообразовательной игры, также является лакунарной и не фиксируется в двуязычных русско-татарских словарях.

В результате сопоставительного анализа установлено, что лакунарными могут быть целые структурно-семантические типы наречий. Так, русские производные наречия, образованные на базе прилагательных — заимствований из латинского или западно-европейских языков, передаются на татарский язык уже вторичными (через русский язык) заимствованиями: *экспрессивно — экспрессив, экстравагантно — экстравагант, эксцентрически — эксцентрик, экспансивно — экспансив* [4. С. 699–701]. В то же время словарь фиксирует и развернутые описания подобных единиц: *экстерн → экстерн-ом: уку йортында укымыйча гына үзлегенән укып сынау бирүче* (букв. сдавать экзамены, не обучаясь в учебном заведении, т.е. подготовившись самостоятельно); *сдать экзамены экстерном — имтиханнарны институтта укымыйча тапшыру; окончить университет экстерном — университетны экстерн булып тәмамлау*. Или: *экспромт → экспромтом — алдан әзерләнмиçә, кинәттән, кәтмәгәндә*,

капыл гына (букв. заранее не подготовившись, вдруг, неожиданно, внезапно); *произнести речь экспромтом* — *алдан эзерләнмичә нотык сөйләу* (букв. говорить без предварительной подготовки) [4. С. 699].

Не представлены в двуязычных словарях и составные наречия с книжной функционально-стилевой окраской типа *мучительно-страстно, равнодушно-устало, томительно-однообразно, удивленно-вопрошающе*, поскольку подобные лексические единицы являются коммуникативно значимыми для художественного дискурса, а для разговорной или нейтрально-книжной речи не характерны.

Явление лакуарности неразрывно связано с понятием внутренней формы слова, под которой понимается «семантическая и структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка; признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова» [18. С. 19]. Подобная трактовка вполне правомерно отождествляет внутреннюю форму с мотивировочным признаком, выраженным производящей (мотивирующей) основой, поскольку в производном слове элементы смысла распределяются между двумя структурными компонентами — корневой и аффиксальной морфемами, а в композите — между двумя корневыми морфемами.

В то же время морфосемантическая структура слова, по мнению ученых, представляет собой и лингвокогнитивную сущность. «Внутренняя форма слова, с позиции теории познания, — это структура знаний, являющаяся результатом концептуальной интеграции представлений об объекте действительности и слове, его обозначающим» [19. С. 211]. Внутренняя форма слова может интерпретироваться и как этнокультурный феномен, как способ выражения культурной информации в слове и специфики этнического языкового сознания. Будучи следствием процесса мотивации, внутренняя форма русских и татарских наречий свидетельствует об универсальных и специфических ассоциациях, лежащих в основе характеристики действия, в том числе передающихся «по наследству» от производящего слова.

Рассмотрим русские и татарские наречия со специфической внутренней формой, которые обусловлены разными мыслительными структурами, т.е. способами категоризации знаний об окружающей действительности (понятиями, образами, стереотипными представлениями, пресуппозициями и пропозициями, коммуникативной ситуацией и т.д.). Они возникают в языковом сознании в процессе вербализации (лексикализации) того или иного признака действия.

Например, обстоятельство наречия причины *сдуру* ‘сделать что-либо по глупости, не сообразив в чем дело’ в русском языке мотивировано существительным *дуры* ‘сумасбродство, блажь; вздор, чепуха’. *А я вот заблудился. Понесся сдуру за глухарем и заблудился. Теперь меня по всему лесу ищут, мамка ревет...* (Астафьев В. Васюткино озеро); *Но если меня кто-нибудь другой пожалеет или сдуру полюбит, я... не знаю, мне будет тяжело и грустно*

(Шукшин В. Калина красная). Ни один из татарских эквивалентов — *ахмаклык белән* (от *ахмаклык* — глупость, дурачество), *аңгыралык белән* (глупость, тупость), *тинтәклек белән* (глупость, сумасбродство, идиотизм), *акылсызланьып* (букв. потеряв ум) [4. С. 550] не передает лингвокультурную специфику русского слова. В татарских соответствиях на первый план выступает семантический компонент ‘глупость’, тогда как для русского языкового сознания важны и другие дифференциальные признаки ‘не сообразив сразу, вовремя’ и ‘осознание / неосознание неправомерности своего поступка’, ‘самоирония’. В русском языке отсутствует резко выраженная отрицательная оценка, она, скорее, носит снисходительно-фамильярный характер.

Приведем в качестве примеров ряд наречий, мотивировочный признак которых указывает на специфичность мотивирующих слов: *украдкой* (от *красться* ← *красть*) — *яшеренеп калу*, *яшертеп генә*, *сиздермичә*, *шым гына* (спрятавшись, скрытно, так, чтобы никто не увидел, не почувствовал, не дав почувствовать, тихо): *взглянуть украдкой* — *сиздермичә генә карап алу*; *невозмоготу* (от *могота* ← *мочь*) — *чыдар хәл калмады*, *чыдар хәл юк* (букв. нет сил терпеть); *осатанело* (от *осатанелый* ← *осатанеть* ← *сатанеть* ← *сатана*) — *котырынган* (от *котырган* — бешеный, буйный), *саташкан* (от *саташу* — бредить, помешаться), *явызлану* (становиться злым, жестоким), *ерткычланган* (от *ерткычлану* — звереть, свирепеть, остервенеть); *очумело* (от *очумелый* ← *очуметь* ← *чуметь* ← *чума*) — *котырган*, *котырып киту* (от *котыру* — беситься, буйствовать, бушевать, яриться, неистовствовать), *акылдан шашу*, *тилеру*, *юләрләну*, *акылдан язу* (сойти с ума).

Проанализируем татарские наречия, внутренняя форма которых указывает на национальное своеобразие мотивировочных признаков и прагматический потенциал лексической единицы. Так, от прилагательного *буш* (пустой) в татарском языке образуется не только наречие *бушка* — впустую, что свидетельствует о совпадении внутренней формы татарского и русского дериватов, но и *бушлай* — бесплатно (в рус. от *бесплатный*), даром (в рус. от *дар*). Специфическую внутреннюю форму имеют и наречия *яланаяк* — босиком (букв. с голыми ногами), *яланбаиш* — без головного убора, *яланкул* — без рукавиц, *ялантән* — голышом (букв. голое тело). «Внутренняя форма слова представляет собой свернутое смысловое содержание объекта (фрагмента) действительности; актуализирует не только предметную соотносительность, но и всю коммуникативно значимую информацию» [18. С. 214]

Татарское наречие *икекуллап* (с радостью) образовано путем лексикализации количественно-именного сочетания *ике кул* (букв. две руки) с одновременным присоединением суффикса *-лап* (ср. в русском языке аналогичное по семантике выражение *двумя руками «за»*). Однако в татарском языке возможны другие лексические варианты данной словообразовательной модели: *дурткуллап* — с большим желанием (букв. четырьмя руками), *бишкуллап* (пятью руками) — с большой охотой [11. С. 500].

О специфике татарского языкового мышления при номинации признаков действия свидетельствуют и другие дериваты: *беравыздан* — одновременно (букв. из одного рта); *берьюлы* — одновременно (букв. одной дорогой); *бара-бара* — немного погодя, с течением времени (букв. идет — идет); *этле-мәчеле* — враждебно, как кошка с собакой (от *эт* — собака, *мәче* — кошка); *егылатора* — торопливо, ср. *егылар-егылмас* — держаться еле-еле, чуть-чуть, быть на грани падения (букв. упадет — не упадет); *бөгелә-сыгыла* — кокетливо, жеманно, заискивающе (букв. наклоняясь и ломаясь); *борычлан-тозлан* — очень сильно ругать (букв. с солью — с перцем); *ваклан* — в розницу, по мелочам, подробно (букв. измельчая); *корып-бөтереп* — досконально (депричастия от глаголов *тереть* — *уничтожать*); *янып-пешип* — старательно (депричастия от глаголов *гореть* — *вариться*); *унга-бергә* — очень редко (букв. на десять — на один); *туяр-туймас* — впроголодь (букв. насытится — не насытится); *икеләнмәстән* — без колебаний (от *икеләнү* — колебаться, букв. раздваиваться); *күптән* — давно (от *күп* — много).

Таким образом, по соотнесенности со словообразовательной структурой слова можно выделить русско-татарские и татарско-русские соответствия разной понятийно-семантической целостности, коммуникативно-прагматической направленности и эмоционально-экспрессивной окраски.

Сопоставительный анализ адвербиальной деривации в русском и татарском языках позволяет не только установить сходства и различия в использовании мотивировочных признаков в рамках одного и того же денотативного пространства, но и выявить наиболее значимые, предпочтительные для данного языкового коллектива ментально-культурные смыслы.

Заключение

Адвербиальная лексика в русском и татарском языках обладает особым номинативным характером, отличающим ее от других классов знаменательных слов. Словообразовательная структура производных наречий может демонстрировать смысловую организацию слова и соответствующего понятия, а именно указывает, благодаря каким свойствам и признакам в сознании говорящего детерминируется какое-либо действие или состояние. Межъязыковая словообразовательная лакунарность, отражающая специфику концептуального осмысления процессов деривации, обусловлена коммуникативно-прагматическим, этнокультурным и стилистическим потенциалом слова. Анализ внутренней формы русских и татарских дериватов позволяет вскрыть когнитивные механизмы в языковом моделировании окружающей действительности.

Этнолингвистический подход в сопоставительном изучении словообразовательных подсистем разных языков дает возможность интерпретировать морфосемантическую структуру слова как лингвокультурологический феномен и один из способов концептуализации процессуальных и непроцессуаль-

ных признаков предмета. Осмысление денотативно-семантического пространства одного языка сквозь призму другого позволяет выявить национальное своеобразие словообразовательной и лексической семантики, а также динамику процессов деривации в целом.

Список литературы

1. *Панова Г.И.* Морфология русского языка: энциклопедический словарь-справочник. М.: КомКнига, 2010.
2. *Гребенева Ю.Н.* Морфемный словарь наречий русского языка. М.: Мир и Образование, 2022.
3. Словарь наречий и служебных слов русского языка / сост. В.В. Бурцева. М.: Рус. яз. Медиа, 2005.
4. Русско-татарский словарь / под ред. Ф.А. Ганиева. М.: ИНСАН, 1997.
5. Татарско-русский словарь: в 2 томах / под ред. Ш.Н. Асылгараев и др. Казань: Магариф, 2007.
6. *Исаев М.И.* Словарь этнолингвистических понятий и терминов. М.: Флинта: Наука, 2003.
7. *Березович Е.Л.* К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 3–24.
8. *Большакова Н.Г., Низкошапкина О.В.* Этноориентированная методика обучения китайских учащихся самостоятельному чтению // Вопросы образования. Языки и специальность. 2015. № 4. С. 36–41.
9. *Стернина М.А., Стернин И.А.* Сопоставление как лингвистическая методология: монография. Воронеж: РИТМ, 2021.
10. *Лопатин В.В., Удханов И.С.* Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016.
11. Татарская грамматика: в 3 томах. Т. I. / гл. ред. М.З. Закиев. Казань: Татарское книжн. изд-во, 1993.
12. *Ганиев Ф.А.* Современный татарский литературный язык: словообразование по конверсии. Казань: Изд-во «Дом печати», 2004.
13. *Акберова А.Г.* Структура и семантика наречий в современном татарском литературном языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. Казань, 1998.
14. *Валентинова О.И., Рыбаков М.А.* Логика детерминантного анализа агглютинативных и флективных языков (часть вторая) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 3. С. 234–244.
15. *Ишкильдина З.К.* Сопоставительное словообразование русского и башкирского языков: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012.
16. Лакуны в языке и речи / под ред. Ю.А. Сорокина, Г.В. Быковой. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003.
17. *Стернин И.А., Попова З.Д., Стернина М.А.* Лакуны и концепты // Лакуны в языке и речи. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 206 – 224.
18. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая рос. энцикл., 2002.
19. *Сидорова Т.А.* Когнитивный анализ традиционных проблем словообразования и морфемике: монография. Архангельск: Изд-во САФУ, 2012.

References

1. Panova, G.I. 2010. Morphology of the Russian language: An encyclopedic dictionary-reference. Moscow: KomKniga publ. Print. (In Russ.)

2. Grebeneva, Ju.N. 2022. Morphemic dictionary of Russian adverbs. Moscow: Mir i Obrazovanie publ. Print. (In Russ.)
3. Burceva, V.V., eds. 2005. Dictionary of adverbs and official words of the Russian language. Moscow: Rus. yaz.-Media publ. Print. (In Russ.)
4. Ganiev, F.A., eds. 1997. Russian-Tatar dictionary. Moscow: INSAN publ. Print. (In Russ.)
5. Asylgaraev, Sh.N., eds. 2007. Tatar-Russian dictionary. In 2 vol. Kazan: Magarif publ. Print. (In Russ.)
6. Isaev, M.I. 2003. Dictionary of Ethnolinguistic concepts and terms. Moscow: Flinta: Nauka publ. Print. (In Russ.)
7. Berezovich, E.L. 2004. "Towards an ethnolinguistic interpretation of semantic fields." *Voprosy jazykoznanija*, no. 6, pp. 3–24.
8. Bolshakova, N.G., and O.V. Nizkoshapkina. 2015. "An ethnically oriented method of teaching Chinese students to read independently". *Polylinguality and Transcultural Practices*, no. 4, pp. 36–41.
9. Sternina, M.A., and I.A. Sternin. 2021. Comparison as a linguistic methodology. Voronezh: RITM publ. Print. (In Russ.)
10. Lopatin, V.V., and I.S. Uluhanov. 2016. Dictionary of word-formation affixes of the modern Russian language. Moscow: Azbukovnik publ. Print. (In Russ.)
11. Zakiev, M.Z., eds. 1993. Tatar grammar. In 3 vol. Vol 1. Kazan: Tatarskoe knizhn. publ. Print. (In Russ.)
12. Ganiev, F.A. 2004. Modern Tatar literary language. Word formation by conversion. Kazan: Dom pečati publ. Print. (In Russ.)
13. Akberova, A.G. 1998. The structure and semantics of adverbs in the modern Tatar literary language. Candidate thesis. G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the TAS. Kazan. Print. (In Russ.)
14. Valentinova, O.I., and M.A. Rybakov. 2021. "The logic of determinant analysis of agglutinative and inflectional languages (part two)." *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 3, pp. 234-244. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-3-234-244>
15. Ishkildina, Z.K. 2012. Comparative word formation of the Russian and Bashkir languages: monograph. Ufa: BashGU publ. Print. (In Russ.)
16. Sorokin, Ju.A., and G.V. Bykova, eds. 2003. Gaps in language and speech. Blagoveschensk: BGPU publ. Print. (In Russ.)
17. Sternin, I.A., Popova, Z.D., and M.A. Sternina. 2003. "Gaps and concepts." *Gaps in language and speech*. Blagoveschensk: BGPU publ. Print. (In Russ.)
18. Jarceva, V.N., eds. 2002. Linguistic encyclopedic dictionary. Moscow: Bol'shaya rossiiskaya ehntsiklopediya publ. Print (In Russ.)
19. Sidorova, T.A. 2012. Cognitive analysis of traditional problems of word formation and morphemics: monograph. Arkhangelsk: SAFU publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Фатхутдинова Венера Габдулхаковна — доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18. eLibrary SPIN-код: 8876-5564. Author ID (SCOPUS): 56242842900. Researcher ID (WoS): E-1437-2015. ORCID ID: 0000-0002-3252-8526. E-mail: favenera@mail.ru

Bio note:

Venera G. Fatkhutdinova is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Applied and Experimental Linguistics, Kazan Federal University, 18 Kremlevskaya St, Kazan, 420008, Russian Federation. eLibrary SPIN-code: 8876-5564. Author ID (SCOPUS): 56242842900. Researcher ID (WoS): E-1437-2015. ORCID: 0000-0002-3252-8526. E-mail: favenera@mail.ru